

Григорий ШАЛАКИН

МОИ ОТКРЫТИЯ ФЕОДОРОВИЧА

К 75-летию со дня рождения поэта
Валерия Фёдоровича Зубарева
(30 августа 1943 года – 8 декабря 2012 года)

В начале сентября 1967 года к главному корпусу Новокузнецкого педагогического института, находящемуся на улице Школьной (ныне Пионерский проспект), подъехали четыре грузовика с высокими деревянными бортами. Первокурсники факультета русского языка и литературы, в большинстве своём девушки, с шумом устраивались в кузовах машин на дощатых скамейках. Они на целый месяц уезжали в сельскую местность на уборку урожая. Куда именно повезут недавних выпускников школ, успешно выдержавших вступительные экзамены в вуз, среди которых был и я, никто не знал.

Колонна тронулась быстро. Урчащие ЗИЛы миновали площадь Побед и нырнули в 540-метровый тоннель под Кузнецким металлургическим комбинатом, сработанный еще в 1933 году землекопами и бетонщиками Кузнецкстроя к годовщине Октябрьской революции. Оттуда машины выбрались на пригорок Верхней Колонии с рубленными двухэтажными домами. Сидевшие в кузове знатоки окрестностей заметили: «Похоже, везут в Ильинку». Остальные почему-то прореагировали на это молчанием. Даже традиционную песню «Вьётся дорога длинная, здравствуй, земля целинная» не затянули.

Проехав хмурым, но не дождливым днём по сухой просёлочной дороге километров десять, грузовики притормозили на центральной усадьбе совхоза «Ильинский» Новокузнецкого района. Нас высадили неподалёку от крайне обветшавшей и давно разорённой каменной церкви. Она стояла на высоком берегу Томи, словно сиротское дитя, и, не имея куполов, всё равно тянулась к небу. Была в ней внутренняя сила, набранная с 1734 года до 1932-го, пока её не разрушили.

Теперь в девичьем царстве стала заметной и небольшая стайка ребят, обступившая новокузнецчанина Александра Кабина, пытавшегося кратенько познакомиться юношей из Тульской области, Армении, с Украины, а также кузбассовцев из других городов и районов с местом, где все находились. Я сразу обратил внимание на самого внимательного слушателя. Это был стройный, рослый, поджарый и более возрастной, чем

все остальные, Валерий Зубарев из Киселёвска, с которым на вступительных экзаменах мы почему-то не успели пересечься.

Вскоре выяснил, Валерий поступил на филфак после окончания горного техникума, практики в шахте, подготовки подрастающего поколения в профтехучилище и службы в армии. Поэтому студенты, не сговариваясь, стали высокопарно величать его Феодоровичем. А к другим парням приклеились обычные мальчишеские клички: Арапша, Тульский пряник, Прокопьевский валенок, Хохол, Бэня, Гриня, Эрик.

Так по разнарядке партийных органов совхоз получил в нашем лице сотню комсомольцев-добровольцев. Выходили на поля всем гуртом. В ту осень небывало удались помидоры. Их стебли, сплошь увешанные красными гроздьями, мы отыскивали в густой поникшей траве, которая, к стати, и не дала заморозкам убить созревшие плоды. Их ссыпали в ящики из тарной дощечки, а затем, как нам говорили сельские полеводы, везли в новокузнецкие овощные магазины.

Вскоре работодатели решили более грамотно и рационально распорядиться силами мужской части потенциальных учителей словесности. Руководитель животноводов созвал парней и сказал: есть важная работа, за неё совхоз способен кое-что заплатить исполнителям. Мы согласились. После устной договорённости заведующий фермой привёл нас к двум коровникам. Бурёнок мы не увидели. Они находились на выпасах, потому что ещё не наступил так называемый период стойлового содержания. Животноводческие помещения пустые, но внутри со стороны окон под завязку забыты, казалось, никогда не убиравшимся навозом. То ли он перепревал здесь и давал зимой тепло, то ли к нему не прикасались по какой другой причине. Казалось, навоза было – с пирамиду Хеопса.

Засучили рукава. Дней десять с утра до вечера выбрасывали органические удобрения наружу. Дело с применением шанцевого инструмента (лопат) оказалось трудоёмким и тяжёлым. Но глаза боялись, а руки делали. Обещанного вознаграждения за непильную, но ароматную работу наша бригада не дождалась, однако моральное удовлетворение от трудового экстрима получила. И мы снова перешли в распоряжение деревенских полеводов.

Вечерами мужское студенческое сообщество с примкнувшим к нему руководителем сельскохозяйственной практики кандидатом филологических наук Александром Сергеевичем Сычёвым кучковалось около Томи, вблизи церкви, в которой уже и амбара не было, поэтому внутри кто хотел, тот и оставлял бранные надписи. Томь... Нашёлся смельчак – Володя Торгунаков, который купался в реке, когда все мы были в тёплых ватниках. Иногда на свежем воздухе открывали на всю компанию бутылочку сухого вина, болгарского или венгерского. Иного в сельпо не водилось. Под хо-

лодным звёздным небом беседовали «за жизнь». На вечерах происходило сплочивание студенческого коллектива. Здесь каждый нашёл себе верных друзей.

Валерий Зубарев иногда приводил выдержки из своих стихотворений, отчего общее «лыко» становилось цветастее и возвышеннее. Однако большую часть посиделок в отличие от нас, салаг по возрасту и опыту, он проводил наедине со своими раздумьями. Они были прописаны на его сосредоточенном лице и видны невооружённым глазом.

Как-то вечером уединились с Зубаревым на околице, около стожка сена. Мне впервые довелось общаться с человеком, умеющим говорить на литературном языке. Это резко контрастировало с окружающим миром. Он видел его под другим, чем у обывателей, углом зрения, в котором обнаруживалась и глубина содержания, и сокровенность мыслей, и поэтичность будней. Придуманное им сразу запоминалось, как, например, «трамвайчик прозвенит прерывисто».

Меня интересовало, почему у Валерия всё складно выходит. Ответ я находил в его развёрнутых рассказах о житье-бытье. Он, в частности, поведал мне о летней поездке из Киселёвска в Кемерово на семинар молодых литераторов. Езду на поезде «раскрутил», будто киноленту. Рассказал, как мелькали за окнами поезда полустанки и с чем он их сравнивал. Рисовал словесно красочное небо и пояснял, с чем ассоциируется стук вагонных колёс. У него самое обычное, житейское явление приподнималось над мирской суетой. А при переносе на бумагу становилось увлекательным чтивом.

Валерий ценил редактора киселёвской газеты «В бой за уголь» Николая Агеева. Тот публиковал его стихи, интересовался творческим отчётом о поездке в областной центр. Благотворное влияние на Зубарева оказывал Юрий Гончаров. В Киселёвске он руководил любительской киностудией и даже рассчитывал на один-другой документальный сценарий Валерия. С тех пор и я запомнил Гончарова чисто ассоциативно: ведь по Прокопьевску, где родился и учился в школе, знал руководителя киностудии ДК имени Горького Ярослава Ткачишина. Он в 1965 году на узкой чёрно-белой плёнке создавал короткометражки об археологических раскопках курганов около села Ур-Бедари Беловского района, где я перед учёбой в 11-м классе месяца полтора был рядовым участником экспедиции, организованной легендарным историком и основателем прокопьевского городского музея Михаилом Георгиевичем Елькиным.

С Зубаревым быстро сошлись ещё и потому, что я считался рабселькором, с 7-го класса сочиняя незатейливые заметки об одноклассниках для городской газеты «Шахтёрская правда». А после окончания школы, работая на механическом заводе, вечерами посещал университет марксизма-ленинизма, где знакомился с основами журналистского ремесла.

В начале 1967 года редактор «Шахтёрки» Владимир Лаврентьевич Баринов поощрил поездкой в Кемерово на областной слёт рабоче-крестьянских корреспондентов. В нашей делегации были шахтёры, машиностроители, комсомольские активисты с разных предприятий. Поэтического восторга ночной вояж под стук вагонных колёс у меня не вызвал. Зато в поезде познакомился с Ларой, студенткой приятной внешности Кемеровского пединститута из Осинников, которая всю ночь штудировала какой-то учебник перед предстоящим экзаменом.

А на слёте самое яркое впечатление произвёл увиденный воочию момент взятия интервью известнейшим корреспондентом Всесоюзного радио, бывшим артиллеристом и участником Парада Победы 1945 года Виталием Галдаевым (его я узнал по голосу) и первого секретаря Кемеровского областного комитета КПСС Афанасия Фёдоровича Ештокина. Само это действо происходило в фойе актового зала обкома партии, где я коротал время перед началом мероприятия вместе с другими приглашёнными. Тем самым убил двух зайцев: увидел маститого журналиста в деле и минут пять-семь постоял в непосредственной близости от партийного лидера Кузбасса, до сих пор приводящего в восхищение тех, кто знал его и работал с ним. Таких людей сейчас совсем немного, но они есть, живут и здравствуют.

Словом, находясь в Ильинке на сельхозпрактике и ещё ни дня не проучившись на литфаке, мы постепенно отрешались от учительской профессии. Так и вышло. Журналистика, проза, поэзия, краеведение и милицейские сыски одолевали нас сильнее, чем педагогика. И случилось то, что предрекала студенческий куратор группы, изумительный знаток методики преподавания литературы Вера Васильевна Торикова. «Мой юный друг, ты – не учитель, ты – репортёр», – говорила она мне. Словно в воду глядела. В педагоги из нашей ватаги выбился лишь Борис Гросбейн – потомок новокузнецких коммунаров-толстовцев, организовавший оригинальную толстовскую школу и ставший заслуженным учителем России. Остальные однокурсники после окончания вуза стали милиционерами, корреспондентами, горняками и воспитателями осуждённых в исправительно-трудовых колониях, некоторые избирались секретарями крупных партийных организаций.

Следовательно, тогдашнее высшее педагогическое образование в Кузбассе пригодились во многих сферах. Сменивших учительскую стезю называли «ботаниками», чтобы сразу можно было понять, какое общество представляла сия прослойка советской интеллигенции.

Неудивительно также, что к языкознанию и литературе разных времён и народов мы шли через обязательное политическое просвещение. Поэтому в институте первой парой в расписании нашего потока была

150

лекция по истории КПСС декана факультета Николая Андреевича Клюева.

На занятиях, как и в совхозе, мы держались с Зубаревым вместе. Я видел, как он преобразился, когда на следующей паре за кафедру встал и заговорил на тему устного народного творчества первый шорский учёный-литературовед Андрей Ильич Чудояков. Валерий нервничал из-за ропота стоголовой аудитории, который перекрывал отнюдь не зычный голос очень интересного преподавателя.

И вот первый день занятий подошёл к концу. Однокурсники разбрелись. Кто – по домам, кто – по родственникам и съёмным квартирам. А мы стоим около ступенек института. Надо бы где-то заночевать. В карманах брюк лежат направления в мужское общежитие пединститута.

Выдвинулись. Нашли его быстро около площади Побед в одноэтажном деревянном бараке Нижней Колонии, возникшей при Кузнецкстрое. Вошли в просторный коридор с коричневым полом из широченных скрипучих плах. По бокам увидели покосившиеся двери. Комендант общежития – студент-старшекурсник физмата, изучив документы на жительство, произнёс: «Койки будут, но весь коридор тоже ваш. Нужно, чтобы здесь всегда было чисто». Вспомнив армейские наряды вне очереди, Зубарев сказал, что мы подойдём, когда выправим кое-какие дела.

Поплелись назад в сторону института. «Знаю смическое общежитие на Школьной», – пробурчал мой спутник («смическое» – от СМИ). Вечерело. Бросили камешком в окно на третьем этаже. Выглянули знавшие Зубарева студентки Сибирского металлургического института (СМИ) из Киселёвска и Прокопьевска. Они спустились и изнутри открыли окно на первом этаже, и, миновав вахтёра, мы оказались в их комнате. Девчонки спали на кроватях, а нам хватило места на полу.

Утром, как ни в чём не бывало, пришли на занятия. И снова – лекции закончились, надо думать о ночлеге. Опять стоим во дворе института. И тут к нам подходит рано потерявшая родителей однокурсница Лида Степанова: «Мальчики, пойдёте. У нас с сестрой квартира на улице Циолковского, займёте одну комнату».

Нам предоставили меньшую из двух, а в малюсенькой кухоньке – четыре квадратных метра – мы с Валерием вечерами жарили картошку в огромной сковородке. Пока появлялись шкварки-поджарки, он рассказывал о службе в армии. Оказывается, там он научился спать, стоя на плацу. Теме армии, как мне кажется, Зубарев был верен всю жизнь. У меня сохранилось написанное его рукой стихотворение «В походе».

*По вискам нашим било солнце
Огненным кулаком.
Пот вскипал. И спина от соли
Становилась солончаком.*

Или вот ещё две строки оттуда же:

*Мы несли пропылённые скатки,
Словно лавровые венки.*

Передал тогда он мне и стихотворение про строевую подготовку.

*Строевая, строевая! –
Ощущение плеча, –
Как работа сталевара,
Горяча, горяча.*

В зрелом возрасте у поэта произошла трансформация армейской темы в сторону глобальных размышлений об истории страны и великорусском патриотизме. Это просматривается в его рукописном «Ополченце».

*Вспышка времени.
Степь веков.
Кто там движется
Валкой рысью?
Надвигается стук подков...
Вот он –
Средневековый рыцарь.
С головы и до пят –
Броня,
Механическая осанка.
Взгромождён
На бронеконя,
Прототип тяжёлого танка.
Содрогаются конь под ним.
А у росса –
Русь под ногами...
Ненавистен,
Неуязвим,
Неприступен,
Недосягаем!
Но споткнётся железный конь,
Рыцарь наземь с размаху
Рухнет.
Понимаю ярость,
С какой
Топором его хряпал русич.
Запоясан едва-едва,
Задыхался от возмущенья...
Холодало,
Колол дрова,
Тут и кликнули в ополченье.*

Наевшись картошки на кухне у сестёр Степановых, мы расчищали стол от посуды и приступали к чайной церемонии, понемногу отпивая напиток из гранёных стеклянных стаканов с пояском вверх, приготовлен-

157

ный из сушёных морковки и душицы. Валерий обязательно доставал сигарету и дырил в форточку. Я приносил из комнаты пару листов бумаги и авторучки. Зубарев присаживался к столу. Напрягал лоб. От этого у него начинали шевелиться ранние зальсины. Потом он авторучкой почёсывал затылок и тягуче произносил: «Какую бы тему взять сегодня?» И сам отвечал на вопрос: «Пусть будет поезд».

То был поэтический тренинг, которому лично я никак не поддавался, хотя сосредотачивался, закрывал глаза, только на ум приходили сюжеты, абсолютно не имеющие никакой литературной перспективы. А у Валерия слова слетались в строки и получались наброски будущих стихотворений. За час-другой чаепития с перекурком у него рождалась пара удачных строк, иногда – четверостишие. А через неделю начатое превращалось в законченное стихотворение.

Он всегда читал написанное вслух. Точно помню, были у него и строки насчёт поезда. Но где они сейчас? Чтобы после ужина я быстрее настраивался на поэтическую волну, он мне периодически читал свои размышлизмы про физиков и лириков. Позже он написал это стихотворение на листочке бумаги в клеточку и подарил мне.

*И чувства лирика наполнят,
И он начнёт стихи творить:
Дано прикуривать от молний!
Эй, небо, дай-ка прикурить!
Поймёт, что это утопично,
Мундштук в смущенье пососёт,
А физик молнию, как спичку,
Вдруг к папироске поднесёт.*

Мои безрезультатные страдания на ниве стихосложения подтвердил сам Валерий, написав 25 октября 1967 года посвящение мне на обратной стороне фотопортрета из одного слова. Им было коротко, ёмко и точно сказано: «Единоумченику».

А приведённое выше стихотворение «Вспышка молнии» в 1969 году было опубликовано в кузбасском альманахе «День поэзии».

Зубаревская эрудиция поражала так же, как и его сверхсерьёзное отношение к занятиям в институте. Вместе с античными героями он уходил вглубь веков, мог образным, художественным языком нарисовать увлекательные картины былого и батальные сцены.

Попутно он разведал, что по четвергам в одной из институтских аудиторий собираются молодые поэты, прозаики и критики. Литературное объединение они называли по-светловски – «Гренада». Валерий брал меня на эти встречи. На них звучали новые стихи старшекурсников нашего факультета Геннадия Литовкина и Анатолия Балакая, впоследствии ставшего доктором филологических наук, автором словаря русского рече-

вого этикета и простонародного доброжелательного обхождения «Доброе слово», выдержавшего первое издание в Кемерове, а затем ещё три в Москве. Потом гренадёрами стали младшекурсники Николай Николаевский и незабвенная Любовь Никонова. Кандидат филологических наук Сергей Ильич Иванищев, преподававший на литфаке, не так давно напомнил мне, что литературным критиком в «Гренаде» был уроженец Ленинска-Кузнецкого Юрий Васильевич Шатин, тогда начинающий преподаватель пединститута и будущий доктор филологических наук, светило отечественного литературоведения и языкознания.

В «Гренаде» под сводами густого табачного дыма состоялось моё знакомство со Стасом Долговым, Валентиной Пьянковой, Леонидом Сербиным, Игорем Гурьяновым и Виктором Бокиным. Сюда в поисках новых публикаций приходили газетчики, журналисты городского радио и областного телевидения. К ним некоторым образом примыкал и я, так как продолжал периодически писать о прокопьевцах, отличившихся в Новокузнецке, для «Шахтёрской правды», к чему настойчиво побуждал работавший там Юрий Васильевич Дьяконов, затем ответственный секретарь областной газеты «Кузбасс», а ныне почётный гражданин Кемеровской области.

В «Гренаде» мне импонировал грузноватый, но доброжелательный патологоанатом Назаров. Он с юмором относился к землякам, что и составляло содержание его рассказов, в которых под вымышленными именами легко узнавались представители местной творческой интеллигенции. Сам Назаров относился к нам с Зубаревым снисходительно. Поэтому мы неоднократно бывали в его кабинете в морге, располагавшемся в таком же бараке, как и общежитие пединститута, на Нижней Колонии. Как правило, после короткой беседы он наливал нам граммов по 50 медицинского спирта для вентиляции мозгов.

Однажды после вечернего общения в «Гренаде» толпа молодёжи направилась домой к Валентине Пьянковой. Кроме новокузнецчан, в ней были гости – поэты. Из Ленинграда Глеб Горышин и Валентин Махалов из Кемерова. Не меньше часа шли пешком до левого берега Томи, где перед въездом на Кузнецкий мост рассредоточился деревянный посёлок. Это был, как теперь известно, административный и жилой городок НКВД. В центре находилось здание бывшего управления Южкузбасслага Г-образной формы, рубленое «в лапу». Две части дома разделялись противопожарной башней-брандмауэром с шатровым завершением. Создателями оригинального памятника деревянной архитектуры считают архитектора П. Н. Струкова и мастера Е. Ф. Кесова из вышеназванной лагерной системы.

Валентина Пьянкова жила в двухэтажном особняке из чёрных от времени брёвен, стоявшем около основ-

ной дороги. Практически уже ночью наша ватага заняла достаточно просторную комнату в квартире Пьянковой. Помню, сам устроился на полу около пианино. Говорили о возвышенном. Вроде бы только Пьянкова читала свои стихи. Остальные слушали и впитывали то, о чём судачили мэтры. У меня где-то есть записки, сделанные по ходу разговора, но они почему-то давно не попадают под руку.

Ночь прошла незаметно. Поутру в институт на занятия с Зубаревым шли пешком. Он был одухотворён. Могу лишь добавить, что Глеб Горышин в молодости работал на Алтае, был знаком с Василием Шукшиным, участвовал в геологических изысканиях в Южной Сибири, Забайкалье, на Ангаре, Кольском полуострове и какое-то время жил на Дальнем Востоке. А Валентина Махалова кто в Кузбассе не знает? Нет, пожалуй, таких.

В конце 2011 года в Новокузнецке отмечали 45-летие городского литературного объединения «Гренада». Среди тех, кто был взращён им, были названы: Виктор Бокин, Александр Раевский, Александр Родионов, Борис Рахманов, Любовь Никонова, Виктор Корсуков, Станислав Долгов, Татьяна Николаева, Геннадий Шемелин. А первым в списке стояло имя Валерия Зубарева. Молодцы новокузнецчане, помнят и чтят своих героев. Выпустили книгу «Допеть до конца» с произведениями 45 авторов, прошедших «гренадскую» школу.

Бард и гренадец Сергей Стрельников – руководящий работник одного из подразделений Запсиба – так написал о 1960-х:

*Встречались поэты. Курили, кричали.
Одним было двадцать, другим – двадцать пять.
Галдящую стаю сердца подсказали,
Как волюсь, как песню, «Гренадой» назвать.*

Теплота сердец и открытость душ отличала гренадцев и в последующем. Любовь Никонова в 2006 году подарила мне очередную поэтическую книгу «Мир благословенный» с автографом, первым делом напомнив о добре, сопровождавшем нас «от студенчества до сего дня».

Любимый гренадец Зубарева – новокузнецкий поэт с ограниченными физическими возможностями Леонид Сербин. Свои стихи размашистым и разборчивым почерком он писал кульями рук. Тем не менее Леонид всегда был внешне подтянут. Был одарён голосом, поэтому стихи в его исполнении в клубах и красных уголках промышленных предприятий воспринимались чуть ли не на «бис».

У Сербина была однокомнатная квартира на улице Сеченова, но он постоянно жил с матерью на проспекте Metallургов, напротив кинотеатра «Октябрь». Леонид катастрофически боялся высоты и всегда просил помощи при проходе по мосту через Абушку, когда шёл к матери. Он десять лет заочно учился на литфаке

пединститута и благодаря своей настырности благополучно окончил его.

В сохранившейся его рукописи 1968 года есть такие слова:

*Я был критически настроен
К неброской личности своей,
И чёрт-те что с собой я строил,
Чтоб не понравиться вдруг ей.*

Далее хотел бы привести рукописное стихотворение Леонида Сербина, подаренное мне 28 июня 1971 года.

*Мартены салютуют искрами,
Жарой сбивая наповал.
Я здесь упрямо и неистово
Свою Россию открывал.*

Страна у Сербина и бешеной, и вещей, и песней синею была.

Валерий Зубарев позже взял тему шире.

*Щедра у народов фантазия.
Мечты у народов простые:
два лёгких –
Европа и Азия,
единое сердце –
Россия.*

153

Шёл апрель 1968 года. Мы с Зубаревым переселились в однокомнатную квартиру Леонида Сербина на улице Сеченова, по его приглашению и безо всякой оплаты за жильё. Позже Валерий назовёт то время «студенческими летами, прекрасной юностью». Иногда к нам заглядывал Леонид. Мы с Валерием наливали по чарке сухого винца, на что стипендии хватало, а хозяин квартиры ограничивался чаем и печенюшками. Сербин много чего нам рассказывал из цикла «сарфаных» новостей, и его устраивало то, что мы во всё, якобы происходящее в городе, верили.

Был период, когда Зубарев куда-то временно отлучился. И мне целую неделю пришлось жить на один рубль за вычетом 36 копеек на проезд до института на трамвае. За 22 копейки купил 200-граммовую баночку новосибирского майонеза. Через день покупал по одному белому батону по 13 копеек. Потратил ещё 39 копеек. Суммирую: всего 97 копеек. На воскресенье остались три копейки, чтобы добраться на общественном транспорте до вокзала и там потратить 40 копеек из заначки на проезд электричкой до Прокопьевска, чтобы получить подмогу от родителей.

В ту безденежную неделю по утрам и вечерам съел на кухне сербинской квартиры по четвертинке батона, сдобренного майонезом и запитого кипятком.

День проводил в институте. Никто и не замечал во мне перемен в сторону стройности фигуры. Зубареву об эксперименте не рассказывал. Экстрима могло и не быть, займи я у однокурсников рублишко или троячок. Но хотелось проверить силу воли, что, должен сказать, впоследствии неоднократно помогало.

Однако вернёмся к Леониду Сербину. Мне нравится цитируемая до сих пор его гражданская и городская лирика. В частности – стихотворение о Новокузнецке «Твои руки».

*Уезжаю в семнадцать сорок,
солнце в золото красит горы.
Я вернусь к тебе очень скоро.
Я вернусь к тебе, слышишь, город!
Ты не думаешь о разлуке!
Ты протягиваешь мне руки.
Руки – солнечные лучи.
Руки – улицы, как ручьи,
беспокойные, говорливые...
Я держу их, руки счастливые.
На ладонях – апрельский снег.
Город мой – человек
с гордою головой.
Город мой – горновоей.
Город мой – углеруб!
Нежен, немного груб,
выросший по часам,
выраженный в леса,
с громовым шалаяпинским басом...
стальное сердце Кузбасса.
Уезжаю. Слова бессильны.
Я курю и гляжу на юг,
где остался в закатной сини
город мой,
хороший друг!*

Летом 1968 года мы съехали от Сербина, так как он заселился в свою квартиру с рыжеволосой подружкой по имени Муза. Нам же с Валерием предоставили места в новом пятиэтажном студенческом общежитии из кирпича за новокузнецким крытым рынком.

Мне рассказывали, что в 1986 году, когда мы с Зубаревым уже работали в Кемерове, у Леонида Сербина остановилось сердце на берегу реки Абы, в нескольких десятках шагов от того самого мостика, по которому неоднократно сопровождал его домой Валерий, а иногда к этой парочке присоединялся и я, ставший для Сербина, как он писал, «другом и кирюхой». А Зубарев, когда стали выходить мои книжки из серии «Кузбасс строкой ИТАР-ТАСС», стал величать меня фактографом.

Но до этого было ещё далеко. В те годы я бывал в родительской квартире Зубарева в Киселёвске. Общался с его матерью. Об этом – самые приятные воспоминания.

В 1970 году на нашей студенческой улице состоялся большой праздник. В Кемеровском книжном издательстве в кассете (это книжки нескольких авторов под одной суперобложкой) под общим названием «Утренняя дорога» вышел первый поэтический сборник Валерия Зубарева «Говорил со мною ветер».

*Говорил со мною ветер
на прозрачном языке.
Был он грустен, был он светел,
и дождинка на щеке...*

26 июня 1971 года Валерий передал мне листочек с журнальной публикацией стихотворения «Чудо» под рубрикой «Говорит молодость».

*Есть чувство.
Чувство – это чудо.
Я полечу! Я полечу!*

На литфаке в наше время учился бродивший неспешно по общежитскому коридору этакий пухлячок Валерий Берсенов. После института он освоил десяток рабочих специальностей, пока не задержался в междуреченской газете и в зрелом возрасте стал членом Союза писателей России. Я периодически перечитываю его стихи, написанные им на тетрадных листах 5 октября 1971 года.

*Есть такая страна, где зелёная плещет трава,
Где страницами книги прошедшие дни уплывают,
Где от запаха трав, как медовые, льются слова,
Где разлук, и обманов, и ссор никогда не бывает.*

А вот как он пишет про плохую погоду:

*Оскалясь, лают рельсы на электричку зло.
И мне бы вот погреться, да где оно, тепло?*

Далее его же строки о поэзии.

*Ветер течёт между ветвей.
Наперечёт руки друзей.
Только до цели так далеко.
Это поспели гроздьё стихов.*

Все это к тому, что литфаковская аура давала пишу для размышлений не только мне, но и моему другу Зубареву.

Валерия никогда не покидала производственная тема, затронувшая его во время практики, которую он проходил в шахте, когда учился в горном техникуме. На тёмно-жёлтой газетной бумаге он сдублировал мне стихотворение «Получка».

*Ах, эта шахта, шахта!
Ходы – туда, ходы – сюда.*

И далее:

*Хрустели первый раз рублёвки,
Как будто уголь на зубах.*

Валерий был погружён в творчество украинского поэта Николая Анциферова, олицетворявшего Донбасс, прославлявшего горняцкий труд. Часто цитировал его забойные строки:

*Я работаю как вельможа.
Я работаю только лёжа.*

Позже сам написал:

*Мы добытчики угля и слова,
Мы холодного мира основа.*

Учёбу на последнем курсе института Валерий совмещал с работой в киселёвской городской газете «В бой за уголь». Затем стал собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Новокузнецку, а я тогда трудился в этом же городе в редакции газеты «Металлург» – многотиражки, выходявшей три раза в неделю на четырёх полосах тиражом 10 тысяч экземпляров. Иногда на новом витке житейских отношений мы повторяли литературные тренинги в его двухкомнатной квартире на улице Кутузова с окнами на парк Гагарина.

Также он приходил в нашу редакцию и предлагал, скажем, провести совместную акцию газет «Кузбасс» и «Металлург». Тогда были популярными рейды, организуемые журналистами вместе с рабселькорами и народными контролёрами. Несколько рейдов по поиску так называемых «узких» мест на Кузнецком металлургическом комбинате провели и мы с Зубаревым. По их итогам обычно я делал так называемую болванку, а затем мы её «чистили» и шлифовали у Зубарева на квартире. Даже это ремесло он стремился поэтизировать. И в рейдовых материалах недостатки, на которые нужно было обратить внимание хозяйственным руководителям, вдруг приобретали лирический окрас вместо просящейся зубодобрыльности.

«Писателю «Металлурга» Грише Шалакину от читателя его трудолюбивого пера и автора – с дружбой!» Это Валерий Зубарев написал мне 28 апреля 1974 года на очередной книге стихов «Магнитное поле». Он знал, что писал, потому что перелопачивал десятки многотиражных газет, выпускавшихся на всех промышленных предприятиях города, включая угольные шахты и разрезы. И он знал многих авторов газетных материалов. Приземлённая и приближенная к рабочему классу журналистика не остужала поэтический жар Зубарева. И он вскипал в стихотворении «Валерий я, а не Лука» (из сборника «Магнитное поле»).

*Порой добру
безжалостность нужна,
но часто – на руку Иуде.
Другие, видно,
нынче времена,
другие нравы
и другие люди.*

«Двигай культуру, Гриша!» – напутствовал меня Зубарев в 1975 году, когда я в рельсобалочном цехе КМК, сидя вместе с сотней металлургов-прокатчиков в актовом зале, слушал его новые произведения, а также стихи кемеровских поэтов Виктора Баянова, Валентина Махалова и новокузнецанина Эдуарда Гольцмана. При мне Зубарев выступал перед металлургами КМК ещё один раз: в 1978 году вместе с Сергеем Донбаем, Геннадием Юровым и Стасом Долговым.

После этого, как напоминает мне главный редактор журнала «Огни Кузбасса» Сергей Лаврентьевич Донбай, он и Зубарев посетили нашу семейную обитель на проспекте Бардина, чем остались довольны. Только вот какими были домашние угощения, пока не разошлись после полуночи, лично я напрочь забыл.

В 1975 году на VI Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве литературное творчество Зубарева оценили Евгений Евтушенко и Михаил Луконин. В конце 1976 года на проходивших в Кузбассе Днях советской литературы Кайсын Кулиев рекомендовал Валерия в Союз писателей. Если не ошибаюсь, в том мероприятии участвовали Георгий Марков, Юрий Верченко, Иван Стаднюк, Борис Ласкин, Людмила Щипахина. Они приезжали в Новокузнецк, и я присутствовал на их выступлении во Дворце культуры металлургов Запсиба. Вторично Дни советской литературы в Кузбассе проходили в 1981 году с участием Роберта Рождественского и Олега Шестинского, хотя в этом случае могу быть не совсем точным.

Вскоре газета «Кузбасс» направила Зубарева на работу в Прокопьевск. Наша бывшая студенческая братва помогла ему погрузить домашние вещи в грузовик. Как и по пути в Ильинку в 1967 году, мы в кузове машины доехали до нового дома около прокопьевского городского рынка. Быстро подняли привезённое в корреспондентский пункт, разместившийся в четырёхкомнатной квартире. А далее вся ночь была в нашем распоряжении.

Позже, в Кемерове, Валерию доверили должность ответственного секретаря литературного альманаха. Меня пригласили в газету «Кузбасс», затем в «Гудок» и, наконец, в ТАСС. Последние 35 лет мы с ним часто встречались в Доме литераторов на Советском проспекте. Он преуспевал в литературном редактировании, так мне говорили местные прозаики. В 1988 году выступил со стихами в Колонном зале Дома союзов.

155

Зубарев был незаурядным спорщиком. Он бился с оппонентами до потери пульса, до тех пор, пока не уложит их на «обе лопатки». Так было и 3 октября 2002 года в Кемерове, когда мы с филфаковцем Александром Трутневым организовали встречу однокурсников – участников съезда учителей Кузбасса – в греческой таверне «Эллиникон». Зубарев много размышлял, благо обстановка – отдельный зал – способствовала тому. Как всегда, был доказательным. При этом от него нельзя было услышать ни крика, ни грубого слова. Их подавляли глубочайшие знания словесности и умение с детства впитывать самое интересное из того, о чём говорили окружавшие его люди.

Есть у Зубарева, как мне кажется, и спорные строки.

*К прошлому
не надо возвращаться,
с прошлым
надо вовремя
прощаться.
В настоящем
с будущим встречаться
и, как с прошлым,
навсегда прощаться.*

Спорен и такой поворот его философических воззрений:

*И всё-таки
ни другу,
ни врагу
я щёку
добровольно
не подставлю...
Но не ударить
я уже
могу.*

Женская тема, нашедшая достойное место в его творчестве, в наших двусторонних отношениях стояла особняком и за многие годы ни разу не обсуждалась. И тому есть простое объяснение. Так мы договорились в Новокузнецке после ночёвки в девичьем смичевском общежитии осенью 1967 года. Эта тема была отдана на откуп его поэзии. Не случайно у него родились, на мой взгляд, гениальные строки, нисколько не уступающие «О, закрой свои бледные ноги» Валерия Брюсова. Имею в виду две строки Валерия Зубарева.

*Не дрожи за сердце на замке!
Не приду с отмычкой в руке.*

В последний год жизни Зубарев кое в чём поменялся. Не поддержал очередную встречу с однокурсниками пединститута. Уверен на сто процентов, его подкосили хозяйственные дела, в которых он был не особо подкован. Затянутый им евроремонт в кемеровской квартире явился недосыгаемой высотой. «Меняю окна», – рассказывал он. «Ну, и что?» – спрашивал я. «Старое окно на кухне строители убрали и закрыли пустоту полиэтиленом, нового окна нет. Убрали балконную дверь. И управы на них нет», – сетовал Валерий, когда пришла осень, а в его жильё – прохлада.

Перед новым, 2013 годом собирались встретиться за рюмочкой «чая». Но он неожиданно заболел. И его не стало 8 декабря 2012 года. Однако остались многочисленные публикации зубаревских стихотворений в газетах и журналах, остались книги. Кроме тех, которые я уже назвал, «Мыслящий огонь» (1981), «Другое «Я» (1998), «Зеркало Бога» (2006). Валерий Фёдорович Зубарев удостоен государственных и областных наград, лауреат литературных премий. Почётный работник культуры Кузбасса, заслуженный работник культуры РФ. Светлую память о нём хранит городская библиотека в Киселёвске, которой присвоено его имя.

